
Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен*

© 2020 г. С.А. Храпов

Астраханский государственный университет, Астрахань, 414056, ул. Татищева, д. 20а.

E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Поступила 28.03.2019

Техноцентризм современной цивилизации представляет собой одну из наиболее исследуемых проблем философии и гуманитарных наук, в целом. При этом, по-прежнему актуальны вопросы о корреляции влияния техногенного темпоритма на антропо- и культурофеномены, природа и динамика которых всегда вызывали массу дискуссий. Одним из таких социально-когнитивных феноменов является социальная память, традиционно выступающая когнитивным «интегратором» общественной жизни в исторической ретроспективе и современности.

В данной статье затрагивается проблема социальной памяти, ее структурно-функциональных характеристик, механизмов взаимодействия с социокогнитивными феноменами, опосредованными техногенными цивилизационными «сдвигами». Основополагающим аспектом данной статьи является проблема формирования нового онтологического статуса социальной памяти, а именно возникновение «техногенной» социальной памяти. Опираясь на многочисленные отечественные и зарубежные научно-исследовательские разработки в области философии и смежных дисциплин, автор выделяет когнитивный и техногенный аспекты заявленной проблемы и приходит к ряду выводов о факторах и тенденциях технологизации социальной памяти.

Ключевые слова: социальная память, индивидуальная память, техногенная цивилизация, социально-когнитивные феномены, общественное сознание, человек, идентичность, сознание, культура, общество.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3-99-106

Цитирование: Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 99–106.

*Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–011–00095а «Человек техногенный: когнитивный, социокультурный, виртуальный аспекты формирования».

Social Memory as a Cognitive and “Technogenic” Phenomenon*

© 2020 Sergey A. Khrapov

Astrakhan State University, 20A, Tatishcheva str., Astrakhan, 414056, Russian Federation.

E-mail: khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Received March 28, 2019

The problems of modern man-made civilization are today one of the most studied in the modern socio-humanitarian knowledge. In this case, still raise questions of the processes and correlation of anthropogenic influence not only technological civilization in anthropo – and culturogenesis, nature and dynamics of which always caused a lot of discussion. One of these significant phenomena is social memory, which traditionally acts as a cognitive “integrator” of social life in historical retrospect and modern social reality. This article will focus on social memory, its structural and functional characteristics, mechanisms of interaction with social cognitive phenomena mediated by technogenic civilizational “shifts”. The main issue of interest to us in this article is the problem of the formation of a new ontological status of social memory, namely the emergence of “technogenic” social memory. The author relies on numerous foreign and domestic research in the field of philosophy and related disciplines, identifies cognitive and technological aspects of the problem and comes to a number of conclusions about the factors and trends of technologization of social memory.

Keywords: social memory, individual memory, technogenic civilization, social cognitive phenomenon, social consciousness, person, identity, consciousness, culture, society.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–99–106

Citation: Khrapov, Sergey A. (2020) “Social memory as a cognitive and ‘technogenic’ phenomenon”, *Voprosy Filosofii*, vol. 3 (2020), pp. 99–106.

Необходимость философского исследования процессов технологизации социальной памяти в контексте социально-когнитивных феноменов и сознания, в частности, определяется его особой исторической ролью: выражать и определять ключевые цивилизационные тенденции. События и факты окружающей действительности, преломляясь в человеческом сознании, закрепляются и проявляются в особой системе представлений, образов и символов. Поэтому анализ свойственного для каждой исторической эпохи образа мыслей, форм организации мыслительного процесса, «картины мира, запечатленной в сознании индивидов, позволит понять логику самого исторического процесса» [Хлыщева, Меликов, Храпов 2017, 48].

Для осмысления «техногенного» взаимодействия социальной памяти с иными социально-когнитивными феноменами и, в первую очередь, с общественным сознанием, на наш взгляд, необходимо обратиться к работам целого ряда социальных мыслителей, исследующих трансформации техногенного общества. Так, Э. Тоффлер в своей знаменитой книге «Третья волна» выделяет три стадии общественного развития и социальной памяти человечества. Новый уровень функционирования общества и социальной памяти связан с созданием инфосферы – важнейшим фактором, обуславливающим развитие цивилизации XX столетия. Именно этот цивилизационный этап

* The article is financially supported by the RFBR, project No 18–011–00095 A titled “Technogenic Human: cognitive, sociocultural and virtual aspects of forming”.

назван Э. Тоффлером «Третьей волной», базовыми характеристиками которого являются качественные трансформации механизмов формирования социальной памяти и ее динамики: распадом массового общества, распространением новых средств информации, космической съемкой Земли, возможностью больничного наблюдения за лежащими пациентами «посредством электронных датчиков, компьютеризацией корпоративных файлов (документов систематического хранения)» [Тоффлер 1999, 297]. Все перечисленные факты свидетельствуют о значимой черте современного общества – техногенно описывать и подробно регистрировать все проявления развития.

Выводы Э. Тоффлера позволяют говорить о модификации механизмов соотношений социальной и индивидуальной памяти, общественного и индивидуального сознания, общественного сознания и социальной памяти. Преимущество концепции Э. Тоффлера видится нам в отражении и раскрытии качественных механизмов и преобразований социальной памяти в процессе техноисторического развития, а не в простой констатации факта увеличения ее информационного объема. Кроме того, достоинством концепции американского мыслителя является идея о том, что социальная память связана не только с фиксированием информации, но и с ее востребованностью, а значит, с актуализацией в общественном сознании.

Значительный потенциал рациональности в исследовании данной тематики заложен в аутопоietической концепции общества (Н. Луман), теориях социальной повседневности (П. Бурдьё, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Э. Гидденс). В частности, по мнению Н. Лумана, общество способно описывать себя и в описаниях различать себя от других социальных уровней и систем социального бытия. По мнению немецкого социолога, именно на границе пересечения самоописания и саморазличения оформляется социальная действительность. Интересным представляется тот факт, что в качестве базиса такого самоописания и саморазличения выступает информация, выраженная в коммуникативной системе общества [Луман 2007]. Выводы Н. Лумана представляют для нас значительную ценность по причине обоснования общественной динамики посредством категорий «коммуникация» и «информация», а следовательно, утверждения значимости социальной памяти как «общественного хранилища» информации и ее прямую взаимосвязь с общественным сознанием как «информационным полем», отражающим наиболее важные дискурсы и коммуникации на конкретном этапе становления социальной системы. Осмысление взаимодействия общественного сознания и социальной памяти посредством анализа их функционирования на индивидуальном уровне детерминировано самой гносеогенной природой этих феноменов, поскольку их содержательная составляющая формируется в результате познавательной деятельности социальных субъектов, основным из которых является человек.

Индивидуальная память связана с процессом психического кодирования, хранения и актуализации информации в определенных отделах головного мозга. В данных процессах взаимодействуют идеальные и материальные аспекты функционирования памяти. Материальный аспект сопряжен с нейрофизиологическими процессами мозга, включая все последовательные этапы его работы с информацией. Идеальный аспект функционирования индивидуальной памяти раскрывается в процессе смыслового понимания информации и соотношения ее с ценностным основанием и структурой личности в целом.

Идеальные и материальные аспекты функционирования присущи также социальной памяти, но им имманентны иные количественные и качественные характеристики, нежели индивидуальной памяти и сознанию. Материальный аспект социальной памяти формируют психофизиологические механизмы памяти человека, звуковая речь и материальные носители (произведения искусства, книги, технические средства информации и пр.).

Идеальный аспект функционирования социальной памяти включает смысловое значение языка, картину мира, ценностные установки, идентификационные стили, поведенческие стратегии, отражающие основу социальной и духовной жизни общества, предопределяющие жизнедеятельность разных поколений. Социальная память в своем содержании охватывает весь социогенез и характеризуется объективностью, коррелируя в большей степени с динамикой общественного сознания. Формирование и функциони-

рование социальной памяти обусловлено ограниченными когнитивными возможностями индивида по хранению и восприятию информации. Другой фактор, обуславливающий необходимость социальной памяти, - незначительная продолжительность человеческой жизни по сравнению с жизнью общества. Несмотря на то что социальная память является базовым компонентом, нельзя забывать о ее феноменологических основаниях, укорененных в самой природе человеческой культуры. Именно человек со своей творческой и познавательной активностью во многом определяет содержание сознания и социальной памяти на протяжении истории, а его ценностные ориентации влияют на социокультурную актуализацию-деактуализацию и фильтрацию информации.

На современном этапе развития социальная память помимо современных тенденций включает в себя и исторический опыт российской цивилизации, проявленный в материальных культурных носителях, таких как древние тексты, периодические и книжные издания, памятники архитектуры, скульптуры, музейные экспозиции и многое другое, а также зафиксированный опыт в ментальности, групповой и индивидуальной памяти, индивидуальном и социальном бессознательном. Стоит отметить относительную синхронность эволюции общественного сознания и социальной памяти, но при этом данные феномены, разумеется, не являются тождественными друг другу. Общественное сознание вбирает нужную информацию из социальной памяти, в то же время обеспечивая ее новой информацией. Важно помнить, что содержание общественного сознания включает осознанное и зафиксированное обществом на конкретном историческом этапе его функционирования, поэтому социальная память содержит существенно больший объем информации, включая уровни актуальной памяти, коллективного и социального бессознательного.

Структура социальной памяти, изменяясь, ведет к изменениям общественного сознания и наоборот. Осмысление данного социально-когнитивного взаимодействия можно осуществить посредством философского анализа исторического и современного содержания социальной памяти. В качестве примера приведем отношение к религиозной форме общественного сознания в российском обществе и в эпоху СССР. В период «расцвета социализма» религиозное сознание было присуще небольшому количеству населения. Социальная память народа подвергалась государственному воздействию, направленному на отход от религиозной культуры в целом, включая веру и религиозные знания.

В настоящее время происходит активное расширение религиозного сознания, что подтверждается заявленной принадлежностью большинства российских граждан к той или иной конфессии. В России развиваются не только традиционные для данной страны религии, но также протестантизм и восточные религиозные этические течения. Для многих современных российских ученых религия стала главным предметом исследования, разрабатываются и внедряются теологические программы подготовки в вузах, публикуется немалое количество литературы религиозной направленности, восстанавливаются храмовые постройки и культовые принадлежности, т. е. актуализируются религиозные формы общественного сознания и социального бессознательного.

Исторический опыт советского прошлого так же представлен в актуальном уровне современной социальной памяти, связанной с динамикой общественного сознания, исключая те его элементы, которые базируются на архетипически-мифологическом опыте российского народа. Исторический опыт советской эпохи включен в современную ментальность большинства российского населения, в том числе элитарных групп, по этой причине современный этап России часто характеризуется как «постсоветский». Именно исторический опыт, включенный в социальную память, обуславливает оценку настоящего и его социально-культурную «фильтрацию». Трактовка общественным мнением, общественным сознанием событий настоящего в актуальном пласте социальной памяти может быть взаимоисключающей. Актуальный уровень социальной памяти запечатлевает основное содержание общественного сознания, значимые явления жизни общества. Соответственно, для анализа процессов технологизации социальной памяти необходимо учитывать ее «онто-гносеологические» связи с менталитетом, индивидуальной памятью, общественным и индивидуальным сознанием.

Технологизация социальной памяти: факторы и тенденции

Техногенные цивилизационные изменения, несомненно, повлияли и на все систему социально-когнитивных феноменов. Как известно, техногенный тип социальности основывается на ценности информации, которая стала важным «двигателем социального развития». О роли аксиологического «сдвига» в становлении электронной культуры и техногенной цивилизации писали многие ученые, в частности известный российский философ Л.В. Баева [Баева 2012]. В свою очередь, исследователь информационного общества И.Ю. Алексеева совершенно верно отмечает, что во «второй половине XX столетия ускоренное “развитие электронно-вычислительной техники, конверсировавшиеся средствами связи, многократно увеличивая власть посредника”, намного усложнив, при этом, коммуникационные структуры и системы влияния на различные аспекты и составляющие сознание индивидов и обществ – в том числе, на историческую память» [Алексеева 2018, 128]. Информационная эпоха обусловлена не только увеличением информационных объемов социальной памяти и общественного сознания, что отразилось на социально-гносеогенных способах их взаимодействия, но и появлением качественно новых средств производства, передачи и хранения информации.

Техногенное общество следует рассматривать не столько как продукт технологического структурального развития (хотя информационные технологии и играют огромную роль), сколько как новую культурную среду, построенную на принципах техногенного взаимодействия, что активно влияет на все стороны общественной жизни, в том числе и на трансформацию способов обращения к прошлому. Д.А. Аникин пишет, что сегодня уже речь идет «не только о расширении способов передачи представлений о прошлом и чисто количественном увеличении форм мемориальных практик, но и о формировании нового дискурсивного поля, построенного на принципе конкуренции исторических нарративов. Конкуренция мемориальных практик подразумевает большое количество способов взаимодействия альтернативных трактовок прошлого – от политического давления (государственная политика памяти) до многообразных форм культурного влияния и экономического воздействия (туристические маршруты, коммеморации символически значимых событий и т. д.)» [Аникин 2018, 302].

Учитывая, что ни одно исследование не может в полной мере охарактеризовать все содержание социальной памяти и общественного сознания в историческом контексте техногенной цивилизации, мы остановимся на нескольких «техногенных» явлениях, содержащих, на наш взгляд, значительный деструктивный потенциал.

Во-первых, следует отметить огромную роль современного социокультурного кризиса, который проявляется в отказе от традиционных ценностей, идентификационных стилей и образов, заложенных в социальной памяти (к примеру, одним из существенных идентификационных образов становится образ «успешного» человека, успех которого связывается со степенью финансовой состоятельности, другим образом может являться криминальный авторитет и пр.). Социальная память активно вмещает новые ценностные установки (бодицентризма, индивидуализма, гедонизма, потребления), уже укрепившиеся в современном общественном сознании.

Во-вторых, происходит девальвация мировоззренческо-гуманистической роли социальной памяти. В классическом обществе приобщение к родовой, семейной, социальной памяти всегда играло особую роль в аккультурации, социализации и самоактуализации человека. Это давало не только возможность выжить, но и сформировать собственную идентичность, собственную картину мира. Данное приобщение проходило при личном общении, чтении, участии в определенных традиционных ритуалах и социальных практиках. В техногенном обществе сформированы иные когнитивные и поведенческие стратегии, в основном техногенного характера. Молодой человек заходит в виртуальное анемическое пространство Интернета и там ищет свою идентичность. Кроме бездушной объективации эти новые стратегии, несут опасность бесконечного выбора возможных вариантов идентичности, вариантов картин мира – от конструктивных до крайне деструктивных.

В-третьих, имеет серьезное значение автономность современных сфер информационных потоков социальной памяти определенная, в частности, «изолированностью» различных коммуникационных групп интернет-пользователей. Если ранее общественные СМИ предоставляли всем одинаковую информацию, то в современном техногенном обществе различные сайты и социальные сети дают доступ к различной, зачастую противоречивой информации. С одной стороны, это является конструктивной характеристикой, служит плюрализму мнений, раскрытию творческого индивидуального потенциала человека, но, с другой стороны, проявляется деструктивно, из-за снижения общего уровня критического мышления населения, использования визуально-эмоциональных инструментов привлечения к тем или иным информационным ресурсам, в которых зачастую человек «зависает» не в силу своего осознанного индивидуального выбора, а по причине виртуальной зависимости, виртуальной идентичности. Кроме этого, подобная параллелизация виртуального мнемического пространства приводит и к социальной автономизации, параллелизации, когда люди, когнитивно включенные в различные информационные системы, и в социальной реальности живут в «параллельных мирах». Конечно, и прежде социальные группы с разными интересами существовали относительно изолированно, но сегодня эта изоляция значительно усилилась посредством информационных технологий.

В-четвертых, факт существования символов информационной эпохи – компьютера и Интернета, «ставит» вопросы о социально-онтологическом и феноменологическом статусе социальной памяти и общественного сознания. Сознание современного общества парадоксально сочетает в себе ценностное восприятие информации, поскольку успешная социализация возможна посредством приобщения индивидов к знаниям и овладения как можно большим объемом информации, с ее «девальвацией» и «десакрализацией», в смысле большей доступности к ней широких масс населения (вспомним, сакральное отношение к книгам и библиотекам в средневековую эпоху). Несмотря на это, справедливо отметить отчуждение значительной части населения от важных информационных массивов и тем более от информации особого социально значимого содержания. Формирование техногенных, деантропологических форм и средств хранения и передачи информации существенно девальвирует функции социальной памяти как социально-когнитивного и социокультурного феномена.

Пятым масштабным «техногенным» явлением, зафиксированным в социальной памяти и общественном сознании, является гипериндивидуализм. В современной России групповым и индивидуальным типам памяти свойственна большая степень «субъективности», чем в советском периоде. Такая «субъективность» характеризуется большим отходом от «объективной трактовки» социальной действительности, ее настоящего, прошлого и будущего, что обусловлено не только «расширением индивидуализма», ведущего к социальной атомизации, но глобальным социокультурным кризисом. Современный гипериндивидуализм во многом определен именно процессами технологизации. Объективированная функциональность и доступность техники, интериоризация ее атрибутов и свойств, создают индивидуала чуждого социального взаимодействия, социальных ценностей и социальной памяти.

Шестой значимой чертой техногенной эпохи является ослабление контроля над «социально-культурной фильтрацией» и фиксацией информации в социальной памяти. Огромные объемы информации, продуцируемые техногенными средствами, содержащейся в общественном сознании, невозможно объективно оценить и зафиксировать в социальной памяти посредством традиционных социокультурных институтов. Причем сами процессы актуализации информации опосредованы социально-культурными и социально-политическими обстоятельствами. Большое количество деструктивной информации фиксируется в социальной памяти и становится доступно основным массам населения. Особенно сильно это проявляется в Интернете, где социальный контроль практически отсутствует. При этом мы наблюдаем устойчивую тенденцию актуализации, ремифилогизации исторического опыта и его использование

для социально-политических манипуляций. И.Ю. Алексеева в своем исследовании современной динамики исторической памяти обращает внимание на то, что «историческая память человека и общества стала объектом целенаправленных воздействий множества субъектов (коллективных и индивидуальных), проводящих те или иные “политики памяти”, преследующих разные цели и действующих в рамках ценностно-нормативных систем, весьма отличных от тех, которыми регулируется работа ученого-историка» [Алексеева 2018, 129].

Особую настороженность вызывают современные мнемические практики работы с образами и событиями (культурными травмами), имеющими огромную роль в истории нашей страны. Использование техногенных возможностей кино и интернет-индустрии позволяют актуализировать в социальной памяти и общественном сознании особо значимые исторические образы и события, в определенном желаемом культурно-историческом контексте. Девальвация классических ценностей и этических установок существенно способствовала масштабизации данных явлений. Д.А. Аникин очень точно отмечает, что «Травматическое событие перестает быть элементом индивидуальной биографии (как в случае с участниками боевых действий) и превращается в элемент коллективной постпамяти, способом поддержания которой становятся медиа. В связи с этим трансформируется и сам механизм определения травматических событий, поскольку в качестве таковых начинают выступать не сами по себе моменты прошлого, обладающие трагическими коннотациями, а их репрезентация в публичном пространстве, ставшая под сомнение значимость или оценку этих событий для коллективной идентичности» [Аникин 2018, 302]. Яркими примерами такой неосторожной «техногенной» работы по актуализации в социальной памяти «культурных травм» являются современные художественные фильмы «Смерть Сталина» (2017 г., режиссер А. Анничи) и «Праздник» (2019, режиссер А. Красовский).

Подводя итоги, считаем возможным определить следующие факторы технологизации социальной памяти: 1) формирование техногенного общества, в котором техника вышла за рамки своих «инструментальных» характеристик; 2) становление электронной культуры и соответственно новых механизмов культурной фиксации, актуализации-актуализации социальной памяти; 3) девальвация матрицы классических ценностей и формирование «техноценностей» (скорости, мобильности, новизны, оперативности др.); 4) формирование техногенных ресурсов социальной памяти (виртуальных мнемических пространств), материально выраженных в серверах и дисках, идеально воплощенных в языке новой виртуальной коммуникации, новых символах и образах; 5) становление человекотехногенного как нового социально-антропологического типа; 6) качественные «техногенно» детерминированные изменения в системе социально-когнитивных феноменов (индивидуальная память, индивидуальное и социальное бессознательное, индивидуальное и общественное сознание, идентичность, язык), их структурно-функциональных характеристик и механизмов; 7) технологизация когнитивных процессов функционирования сознания, определенная не только техногенным характером социального мира (информационной коммуникацией и т.п.), но и универсальным «встраиванием» принципов технической деятельности в когнитивную систему человека [Храпов 2014; Храпов 2019].

Данные факторы, на наш взгляд, формируют следующие тенденции техногенной динамики социальной памяти: 1) девальвация познавательно-критической (аналитической) функции когнитивной структуры человека привела и к девальвации когнитивного статуса социальной памяти; 2) доминирование в сознании техногенного общества ценности «готового интеллектуального продукта», что приводит к крайней минимизации роли индивидуального сознания и индивидуальной памяти в формировании социальной памяти, фактически определяемой обобщенным «информационно-коммуникационным субъектом»; 3) поглощение индивидуальной памяти техносферой социальной памяти; 4) парадоксальное взаимодействие социальной памяти с менталитетом и социальным бессознательным; 5) пространственно-временные «разрывы» в процессе фиксации

новой информации, обусловленные скоростью производства и трансляции современной информации, а также неравномерностью ее потока как в виртуальном, так и в физическом пространствах; б) автономность сфер и информационных потоков социальной памяти, определенная «изолированностью» различных групп интернет-пользователей.

Таким образом, рассмотренные нами явления технологизации свидетельствуют о существенной трансформации социальной памяти, «онтологическом переходе» от социально-антропологической к техноантропологической форме ее существования.

Ссылки – References in Russian

Алексеева 2018 – Алексеева И.Ю. Историческая память в информационном обществе // Сборник материалов Всероссийской конференции «Практическая философия: от классики – до информационного социума» (Астрахань 27–28 сентября 2018 г.) / Под науч. ред. Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 128–132.

Аникин 2018 – Аникин Д.А. Травмы исторической памяти: особенности медиа репрезентации в условиях сетевого общества // Сборник материалов Всероссийской конференции «Практическая философия: от классики – до информационного социума» (Астрахань 27–28 сентября 2018 г.) / Под науч. ред. Л.В. Баевой и К.А. Маркелова. Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 300–304

Луман 2007 – Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории; под ред. Н.А. Головина; пер. с нем. И.Д. Газиева. Санкт-Петербург: Наука, 2007.

Тоффлер 1999 – Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999.

Хлыщева, Меликов, Храпов 2017 – Хлыщева Е.В., Меликов И.М., Храпов С.А. Российская ментальность в социокультурном пространстве // Философские науки. 2017. № 8. С. 48–62.

Храпов 2014 – Храпов С.А. Техногенный человек: проблемы социокультурной онтологизации // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 66–75.

Храпов 2019 – Храпов С.А. Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // Вопросы философии. 2019. № 1. С. 88–95.

References

Alekseeva, Irina (2018) 'Historical memory in the information society', *Collection of materials of all-Russian conference "Practical philosophy: the classics – up to the information society"* (Astrakhan on 27 and 28 September 2018), Under the editorship of L.V. Baeva and K.A. Markelov, Publisher: Roman V. Sorokin, Astrakhan, pp. 128–132 (in Russian).

Anikin, Daniel (2018) 'Trauma of historical memory: specifics of media representation in the networked society', *Collection of materials of all-Russian conference "Practical philosophy: the classics – up to the information society"* (Astrakhan on 27 and 28 September 2018), Under the editorship of L.V. Baeva and K.A. Markelov, Publisher: Roman V. Sorokin, Astrakhan: pp. 300–304 (in Russian).

Baeva, Lyudmila (2012) 'Anthropogenesis and Dynamics of Values under Conditions of Information Technology', *International Journal of Technoethics*, № 3 (3) July – September, pp. 33–50.

Chlysheva, Elena, Melikov, Ibrahim, Khrapov, Sergei (2017) 'The Russian mentality in social and cultural space', *Philosophical Sciences*, No. 8, pp. 48–62 (in Russian).

Khrapov, Sergei (2014) 'Technogenic man: the problems of sociocultural ontology', *Voprosy filosofii*, No. 9, pp. 66–75 (in Russian).

Khrapov, Sergei (2019) 'Crisis of consciousness: "cognitive response" of technogenic civilization', *Voprosy filosofii*, No. 1, pp. 88–95 (in Russian).

Luhmann, Niklas (1984) *Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie*. Suhrkamp, Frankfurt (Russian translation).

Toffler, Alvin (1980) *Third wave: The Classic Study of Tomorrow*, Morrow, New York (Russian translation).

Сведения об авторе

ХРАПОВ Сергей Александрович –
доктор философских наук, профессор
Астраханского государственного университета.

Author's Information

KHRAPOV Sergey Aleksandrovich –
DSc in Philosophy, Professor
of Astrakhan State University.